

«Если уж я не верю собственной семье, с какой стати мне верить тебе, чужаку?»

К моменту, когда запись заглавной темы наконец завершилась, за окном успело окончательно стемнеть.

Коротко стриженный Геракл вместе со своими сыновьями подошел к Ци Цяню и остальным. На его суровом, мужественном лице играла простая и добродушная улыбка. Актерское мастерство мужчины было безупречным: он держался непринужденно и открыто, а его глаза так и лучились мягким, безвредным дружелюбием.

— Простите моих мальчиков, Адониса и Аполлона, за то, как они сегодня себя вели, — заговорил он великодушно. — Они ведь только днем прилетели из Страны Эй, жутко устали с дороги. Я сам лишь недавно узнал об их поведении и сразу решил подойти, прояснить ситуацию. Надеюсь, ребята не держат обиды и все еще могут стать друзьями.

— Да брось, Гера, ты слишком близко все принимаешь к сердцу. Это же просто детские пустяки, — с теплой улыбкой отозвалась Миранда. — Они просто пока не привыкли друг к другу, сыграются со временем. Но ты прав, такие частые перелеты между странами — колоссальная нагрузка для детей.

— Вот именно. Потому я как раз и подумываю перевести их на год в школу Страны Эй...

Пока взрослые увлеченно беседовали, пятеро детей стояли в стороне, молча разглядывая друг друга. На лице Аполлона отчетливо читалось недовольство — его явно притащили сюда силой. Зато его брат, Адонис, все же пересилил себя и первым обратился к Ци Цяню:

— Надеюсь, ты не сердишься...

— Мне вообще все равно, — обыденным тоном перебил его Ци Цянь. — Тебе стоит извиниться перед Форсом и Тортиком.

Форс неловко переминался с ноги на ногу. Ему хотелось поверить в оправдания Геракла — после прошлых съемок эти харизматичные близнецы-полукровки ему искренне нравились.

Однако маленькая Принцесса Тортик, всегда казавшаяся самой наивной и простодушной, вдруг отрезала:

— Давайте просто отыгрывать роли перед камерой, а в жизни держаться на расстоянии.

— Раз вы тоже все понимаете, тем лучше, — вздернув подбородок, вмешался вспыльчивый Аполлон, опередив брата. — Это всего лишь шоу. К чему разыгрывать эту дешевую комедию со всеобщей дружбой?

Форс, который как раз набрался смелости, чтобы хоть что-то сказать, только беззвучно приоткрыл рот. Слова застряли у него в горле.

Когда они разошлись, Форс тихонько спросил у Сюй-Сэнь Чанлэ:

— Как ты так быстро сориентировалась?

— На самом деле я вообще ничего не поняла из их разговора, — честно призналась та. — Но моя тетя, Чан Цици, всегда говорила: если не понимаешь, что происходит, но должна принять решение — просто следуй за тем, кому доверяешь. В этот раз я выбрала братика Ци Цяня. К тому же, если честно, притворяться перед публикой — довольно веселое развлечение.

— И то верно! Цянь-бао очень умный, он плохого не выберет, — с уважением кивнул Форс, для которого этот довод показался вполне убедительным.

Маленькая Принцесса Тортик гордо расправила плечи. В глубине души она была абсолютно уверена в своей правоте.

«Конечно, это имеет смысл! Братик Ци Цянь — моя семья, кому же мне еще верить, если не ему? Жаль только, папа просил пока никому не рассказывать о нашем родстве».

Лишь много позже Форс поймет, насколько жестоко Тортик в тот момент ввела его в заблуждение.

Тем временем Ци Цянь столкнулся лицом к лицу с Гераклом. Говорят, что суровым мужчинам не чужда душевная мягкость, и этот экранный мачо явно умел пользоваться подобным приемом. Он заговорил с Ци Цянем на равных, словно со взрослым человеком:

— Надеюсь, ты не держишь зла на Адониса и...

— Терпеть не могу эти пустые разговоры, — со вздохом прервал его Ци Цянь. — Повторяю еще раз: мне плевать. И это не детские капризы, я говорю абсолютно искренне. Вы для меня никто, это просто шоу. Мы отработаем контракт и больше никогда не увидимся — разве это не идеальный расклад? Мне не нужны эти фальшивые дружеские игры.

— Я вижу, что ты не лжешь. Но дело в том, что сейчас именно от тебя зависит отношение тех двоих детей к моим сыновьям. И мне бы хотелось, чтобы ты...

— Это ваши трудности, не мои, — отрезал мальчик.

Сам Ци Цянь никем руководить не собирался, но Тортик и Форс действительно безоговорочно его слушались. Сейчас он невольно ощутил себя в роли вожака — совсем как Чуси в своем приюте.

— А ты и впрямь такой же невыносимый, как твой папаша, — прищурился Геракл. — И пусть ты кажешься куда сообразительнее его, симпатии ты у меня не вызываешь.

— Ясно.

Ци Цянь всем своим видом давал понять: его ни капли не волнует чужое мнение. Словно любовь этого человека могла хоть как-то изменить его жизнь.

— Послушай, — Геракл понизил голос. — Если ты ведешь себя так из-за наших старых терок с твоим отцом, то включи мозги. Не дай ему сожрать твое будущее. Я прекрасно представляю, какими красками он меня расписывал, поэтому неудивительно, что мы взаимно друг друга не перевариваем. Но я признаю твой потенциал. Ты перспективный малый. В шоу-бизнесе не бывает невинных детей, и ты это прекрасно понимаешь. Будет жаль, если из-за его глупости ты сломаешь себе карьеру. Это дружеский совет, без капли фальши. Думаю, ты понимаешь, о чем я.

— Вообще-то он мне о тебе ничего не рассказывал, — ответил Ци Цянь с выражением лица в духе «дядя, ты себя кем возомнил?».

— Рано или поздно ты пожалеешь о своем упрямстве, — бросил Геракл, явно не поверив ни единому слову ребенка. — Человек, который ради выгоды еще в юности не пощадил собственных родных дядю и тетю... Неужели ты думаешь, что в нем есть хоть капля искренней родительской любви? Не будь наивным дураком. Если не веришь мне — проверь сам. Запомни имя: Цзя Жэнь. Он был первым агентом Ци Бися. Узнай, как он закончил, и поймешь, в какую пропасть ты катишься из-за своей слепой веры!

Воспользовавшись очками Гунян, Ци Цянь в два клика нашел в сети информацию о Цзя Жэне. Сведений оказалось ничтожно мало. Никаких громких статей, лишь пара куцых строчек в онлайн-энциклопедии: его сестра из простой семьи умудрилась выйти замуж за представителя влиятельного клана Ци. Сам Цзя Жэнь приходился родным дядей популярному певцу Ци Бися и был его первым менеджером — именно он когда-то разглядел в племяннике актерский талант.

Позже, когда переход Ци Бися из категории детей-актеров в подростковые роли провалился, он решил уйти в музыку. Тогда его делами занялся Аро из Развлекательной компании Байци. О дальнейшей же судьбе Цзя Жэня интернет умалчивал. Мужчина словно растворился в воздухе, или же кто-то приложил немало усилий, чтобы тщательно подчистить любые упоминания о нем.

Людей, способных проверить такое, существовало предостаточно. И Ци Цянь, по чистой случайности, знал некоторых лично: Бай Дун, Бай Анна, Бай Цю и даже Пэй Юэ.

Все они были родственниками со стороны отца Ци Бися — ветвью семьи его тети, которая в свое время породнилась с влиятельным кланом Байши. Что же касается родни по материнской линии, то Ци Бися о них никогда не заикался, словно их вовсе не существовало — точно так же, как и этого загадочного Цзя Жэня.

Но... какое это имело значение?

Ци Цянь коротко усмехнулся и, в упор глядя на склонившегося к нему Геракла, с нескрываемой иронией произнес:

— И с чего бы мне верить чужаку вроде тебя, а не родному отцу?

Чуси всегда говорил: у каждого поступка есть свои скрытые мотивы. И если ты их не знаешь, глупо делать поспешные выводы. Куда разумнее сосредоточиться на том, что происходит прямо сейчас.

Для Ци Цяня реальность была предельно проста: отец заботился о нем и делал все возможное, чтобы он ни в чем не нуждался. А Геракл и Цзя Жэнь были всего лишь пустым звуком, чужими именами из сети. Нужно быть полным идиотом, чтобы из-за слов постороннего человека усомниться в единственном близком существе.

На обратном пути Ци Бися несколько раз порывался заговорить с сыном, но в последний момент тушевался и умолкал.

Ци Цяня, увлеченно смотревшего «Наруто», это мельтешение начало откровенно раздражать. Когда отец замаялся в пятый раз, мальчик наконец сорвал с себя очки и не выдержал:

— Ты решил замучить меня своей нерешительностью? Если так, то поздравляю, у тебя получилось. Неужели так трудно сделать выбор: либо расскажи о своем прошлом, либо молчи. В чем проблема?

— Ой-ой, Цянь-бао, так ты уже все понял? — растерянно протянул Ци Бися, окончательно запутавшись в словах.

Слух Ци Цяня превосходил любые человеческие возможности, так что глупые штампы вроде «подслушал и все не так понял» в его жизни просто не работали. Он устало взглянул на отца:

— И что, ты хочешь мне все рассказать?

— Если честно, прямо сейчас — не очень. Но я клянусь, что со временем обязательно во всем тебе признаюсь, хорошо? — Ци Бися робко заглянул сыну в глаза, боясь увидеть там осуждение. — Я не пытаюсь утаить от тебя что-то ради забавы. Просто те годы — не лучший повод для гордости. Тогда навалилось слишком много всего, и виноваты были абсолютно все, я в том числе...

— Либо выкладывай сейчас, либо закрой тему. Любопытством я не страдаю.

— И ты правда не обижаешься? — Ци Бися действительно до дрожи боялся, что тени прошлого могут разрушить хрупкое доверие, которое они так долго выстраивали.

— Разве твое прошлое способно как-то изменить мою жизнь сейчас?

Ци Бися замотал головой так неистово, что едва не заработал сотрясение:

— Ни в коем случае! Папа сделает все, чтобы у тебя все было хорошо.

— Вот и отлично.

Этот лаконичный ответ подействовал на Ци Бися на удивление умиротворяюще, принеся долгожданное облегчение. Поначалу, когда Пэй Юэ проболтался ему о том, как самостоятельно Ци Цянь провернул вступление в клуб «Сармен» и досрочную сдачу экзаменов, певец чувствовал себя уязвленным. Ему казалось, что сын не доверяет ему, не хочет зависеть от него. Но теперь от этих нелепых страхов не осталось и следа.

В точности как пелось в песне, слова к которой написал Пэй Юэ: «Мой сын — мое величайшее сокровище, моя самая большая гордость».

Ци Цянь никогда не искал чужого покровительства. Скорее наоборот — в их странном тандеме именно Ци Бися оказался той стороной, которая нуждалась в поддержке. Раньше он спасался от гнетущего одиночества в огромном пустом особняке с помощью шумных вечеринок и бесконечного кутежа. Теперь же ему было достаточно просто присутствия сына.

С появлением этого маленького человека весь мир вокруг перевернулся.

Даже когда дома каждый из них занимался своими делами, Ци Бися чувствовал, как его душу переполняет тихое, глубокое счастье. Заканчивая съемки или интервью, он буквально летел домой, ведь теперь там кто-то его ждал. И это знание заставляло его улыбаться каждому новому дню.

Когда-то давно Ци Бися посмотрел один удивительный фильм об эпохе нацизма. Главным героем там был еврейский мальчик. Во время наступления немецких войск он разминусь с родителями прямо перед посадкой на последний корабль, уходящий из обреченного города.

Оставшись без билета, ребенок вернулся в свой опустевший загородный особняк, искренне веря, что папа и мама вот-вот придут за ним. На огромной вилле не было ни единой живой души. Поначалу мальчик чувствовал себя безгранично счастливым: больше никакого контроля, никаких бесконечных родительских запретов. Можно есть шоколад килограммами, лихо съезжать по перилам парадной лестницы и гонять на велосипеде прямо по коврам в гостиной... Казалось бы, беззаботные, радостные кадры, но при просмотре этого зрелища сердце невольно сжималось от невыразимой, давящей тоски.

Ци Бися пересматривал эти сцены бессчетное количество раз. Сам не зная почему. Раньше он изо всех сил забивал свои вечера делами, лишь бы не оставаться наедине со своими мыслями. Но когда выдавались редкие тоскливые ночи, он запирался в домашнем кинотеатре, который обустроил по последнему слову техники, и раз за разом наблюдал за одиноким ребенком, резвящимся в огромном пустом доме. Наблюдал до тех пор, пока на экране не заканчивалась еда, сад не засыпало пожухлой листвой, а чистая вода в бассейне не превращалась в мутную жижу.

Поймав себя на этой мысли, Ци Бися вдруг осознал, что уже очень давно не возвращался к той киноленте. Да и если бы включил ее сейчас, то наверняка сразу перемотал бы на самый финал — туда, где война наконец закончилась, повзрослевший мальчик вышел из ворот концлагеря и на пороге обретенной свободы увидел живых родителей, приехавших забрать его домой.

«Добро пожаловать домой, мой малыш».

<http://bllate.org/book/20636/2162670>